

И. М. Бухтоярова, В. В. Килейников

ФОНД С. Н. ЗАМЯТНИНА В НАУЧНОМ АРХИВЕ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО

До настоящего времени многие персональные архивные фонды отечественных археологов остаются неизвестными современному исследователю. Между тем многие документы, представленные в этих фондах, способны раскрыть интересующие нас вопросы развития археологической науки в советский период. Фонд Сергея Николаевича Замятнина, хранящийся в научном архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге открывает новые сведения из научной биографии известного отечественного археолога, начавшего свой творческий путь в г. Воронеже.

Сергей Николаевич Замятнин работал с 1945 по 1958 г. заведующим археологическим отделением МАЭ. Именно там сейчас хранится его личный фонд под № 16, состоящий из 19 дел (Фонд С.Н. Замятнина). Фонд небольшой, содержит несколько рукописных полевых дневников, альбомы фотографий раскопок и разведок, археологические карты обследованных территорий, чертежи планов раскопок с расположением культурных остатков, отчеты о проделанной работе, личную и деловую переписку с археологами.

Особый интерес представляют отчеты С.Н. Замятнина о последних полевых исследованиях, среди которых выделяются раскопки Сталинградской стоянки. Документация о работах на этом памятнике в 1952–1954 гг. под руководством С.Н. Замятнина включает подробные сведения о проведении данной археологической экспедиции с участием таких известных археологов, как А.А. Формозов и М.З. Паничкина (Отчет о работе). Спустя десятилетие после начала раскопок Сталинградской стоянки уже после смерти С.Н. Замятнина его коллегами была опубликована на основании изучения полевых отчетов статья о результатах исследования этого уникального памятника (Замятнин, 1961).

Сталинградская палеолитическая стоянка — одно из древнейших на Восточно-Европейской равнине поселений первобытного человека, которое С.Н. Замятнин отнёс к средне-четвертичному времени. Стоянка расположена в трех-четырёх километрах от г. Сталинграда, в балке Сухая Мечетка. Первые находки палеолитических каменных орудий в этой местности, судя по архивным данным, были сделаны в 1951 г. геологом М.Н. Грищенко (Полевой дневник Палеолитического отряда. Л. 2), хотя в публикации

упоминается в качестве первооткрывателя стоянки геолог А.И. Коптев (Замятнин, 1961, с. 5).

Экспедиционный отряд начал свою работу 26 апреля 1952 г. Раскопки были затруднены вследствие перекрытия культурного слоя стоянки двадцатиметровыми геологическими отложениями, не содержащими культурных остатков. Для удаления этих напластований были проведены взрывные работы. Всего в 1952 г. было вскрыто 250 м².

В деле № 3 фонда С.Н. Замятнина представлен подробный «Календарь работ» Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР с 19 апреля по 3 августа 1952 г., который имеет вид дневника («Календарь работ»). Все находки кремневых орудий, сделанные в 1952 г., фиксировались С.Н. Замятниным: дневник содержит графические карандашные зарисовки орудий Сталинградской стоянки с кратким описанием сырья, цвета и типологии изделий.

В 1954 г. раскопки Сталинградской стоянки были завершены. За двухлетний период археологических работ было вскрыто свыше 600 м² площади памятника. Обращают на себя внимание выводы С.Н. Замятнина о неравномерности распределения культурных остатков на обследованной площади стоянки. Так, восточный раскоп был насыщен артефактами значительно меньше, чем западный, что объясняется автором спецификой хозяйственно-бытового устройства стоянки, а также наличием в пределах западного раскопа четырех крупных очажных пятен, вокруг которых концентрировались каменные и остеологические находки (План-карты Западной и Восточной р-нов Сталинградской палеолитической стоянки). Кроме того, С.Н. Замятнин отмечает отсутствие повреждений культурного слоя стоянки вследствие последующего его перекрытия мощными геологическими наносами (Полевой дневник Палеолитического отряда, л. 20).

Интересным дополнением к архивным сведениям из фонда С.Н. Замятнина об исследовании Сталинградской стоянки служит отчет участника экспедиции, а впоследствии известного бурятского археолога и монголоведа Э.Р. Рыгдылона о проведенных в 1952 г. разведочных работах в окрестностях памятника (Рыгдылон). Сбор подъемного материала осуществлялся в пределах балки Сухая Мечетка на расстоянии до двух километров выше Сталинградской стоянки. Э.Р. Рыгдылон отмечает уникальность балки Сухая Мечетка, представляющей своеобразную «географическую микроединицу» протяженностью свыше 30 км и шириной до 0,5 км с присутствием внутри балки на отдельных местах террасовых выступов высотой до четырех метров (Там же. Л. 3), которые могли быть удобным местом обитания человека в различные археологические эпохи.

Подъемный материал включает каменные орудия, относящиеся к эпохам палеолита и неолита, а также керамику, костяные и каменные орудия эпохи бронзы. Палеолитические материалы представлены кремневым остроконечником на массивном боковом сколе с подправленными краями и широкой удлиненной кварцевой пластиной (Рыгдылон, л. 2). Находки сделаны на расстоянии 0,2 и 0,4 км от стоянки.

На левой стороне балки в 0,2–0,3 км выше стоянки на выветриваемых участках были собраны кремневые и кварцитовые отщепы, среди которых встречаются и типологически определяемые неолитические орудия: концевые скребки, ножевидные пластины и трапеция, фрагмент наконечника стрелы (Рыгдылон, л. 2). На этих же участках было найдено большое количество фрагментов керамики хвалынского типа от плоскодонных сосудов, украшенных елочным орнаментом (Там же, л. 3).

На террасах внутри балки Сухая Мечетка в двух километрах выше Сталинградской стоянки была собрана керамика срубного типа, а в километре выше стоянки наряду с керамикой срубной культуры эпохи поздней бронзы, обнаружен точильный камень (Рыгдылон, л. 4). Наконец, в ста метрах ниже стоянки в террасовом обнажении были найдены фрагментированный костяной тупик, точильный камень и срубная керамика (Там же, л. 4).

В заключение отчета Э.Р. Рыгдылон, учитывая часто встречающееся местонахождение керамики и орудий срубной культуры на внутренних террасах балки Сухая Мечетка, высказывает предположение о формировании этих террасовых выступов в эпоху бронзы во II тыс. до н.э. (Рыгдылон, л. 4–5).

В фонде С.Н. Замятина представлено дело № 17, в котором сосредоточены документы личной и деловой переписки. К ним относится положительный отзыв старшего научного сотрудника ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР П.И. Борисковского от 24.06.1950 г. о работе С.Н. Замятина «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» (Борисковский). П.И. Борисковский высоко оценивает рецензируемую работу, впоследствии опубликованную (Замятин, 1951), отмечая, что она содержит «целостную концепцию развития палеолитической культуры на всех материках», демонстрирует совершенство владения автором историографической и источниковой информацией, критический подход к осмыслению распространенных в зарубежной литературе взглядов на «историю палеолитического человечества» (Борисковский, л. 1). Безусловно, в отзыве присутствуют свойственные тому времени идеологические оценки позитивного вклада С.Н. Замятина в «разоблачение враждебных советской науке взглядов зарубежных буржуазных авторов» (Там же, л. 1). П.И. Борисковский акцентирует внимание на основной заслуге автора статьи — выделении на большом фактическом материале трех верхне-палеолитических культурных областей в Европе, Азии и Африке (Там же, л. 2). Завершая свой отзыв, П.И. Борисковский отмечает хороший литературный стиль работы и рекомендует ее к скорейшей публикации. В то же время он прикладывает к отзыву дополнительный лист, адресованный руководству Института этнографии АН СССР, где корректно высказывает ряд замечаний, упрекая С.Н. Замятина в проявлении в отдельных местах его работы «академизма дурного тона», сопровождении критики концепций буржуазных археологов «ненужными похвалами этим авторам» (Там же, л. 3).

Рецензия М.Ф. Нестурха, написанная на рукопись той же работы С.Н. Замятина в 1950 г., содержит в сравнении с отзывом П.И. Борисков-

ского гораздо более резкие замечания. Рецензент отмечает, что статья С.Н. Замятнина имеет «не столько мелкие погрешности, сколько **идеологические слабости** в общей конструкции и содержании статьи», которая, по его мнению, «должна быть выстроена на уровне идейно-политической борьбы советской науки против зарубежной, особенно англо-американской» (Рецензия М.Ф. Нестурха). Выводы М.Ф. Нестурха подчеркивают определенный и воинственный идеологический стереотип, характерный для этого исторического этапа развития отечественной науки.

Интересную информацию о сложном процессе рецензирования одной из наиболее фундаментальных статей С.Н. Замятнина содержит его письмо от 10.07.1950 г., отправленное некоему Максиму Григорьевичу (Письмо С.Н. Замятнина Максиму Григорьевичу). По всей вероятности, адресатом письма являлся М.Г. Левин, известный отечественный антрополог, этнограф и археолог, который в то время был заместителем директора и заведующим отделом антропологии Института этнографии АН СССР. Письмо не носит официального характера и в нем Сергей Николаевич с откровенным огорчением, а иногда и с возмущением заочно полемизирует с М.Ф. Нестурхом.

В этой полемике С.Н. Замятнин достаточно самокритичен и убедителен: «Не мне решать, являются ли результаты моих усилий в течение многих месяцев попросту производственным браком или являются чем-то дельным. Сделал, что мог. Только думаю, что правильность работы должна определяться не тем, какое количество цитат, к месту и не к месту, нанизано из основоположников, а тем, насколько работа в целом идет в русле марксистско-ленинской методологии. В меру моих сил и способностей последнее я пытался сделать. А относительно цитат считаю, что привлекать их нужно с сознанием ответственности, а не трепать все <...> Совершенно очевидно, что я плохо, недоходчиво писал, если моей основной мысли совершенно нельзя было уловить, но я считаю не менее очевидным не только то, что я плохо писал, но и что Нестурх плохо читал» (Письмо С.Н. Замятнина Максиму Григорьевичу, л. 11). С.Н. Замятнин не соглашается со многими замечаниями М.Ф. Нестурха, касающимися как историографических сюжетов статьи, так и ее стилистики, транскрипции собственных имен. Касательно последнего блока замечаний, С.Н. Замятнин тонко, с известной долей юмора возражает М.Ф. Нестурху: «Наконец, надо затронуть один очень существенный вопрос, а именно транскрипцию собственных имен. Я уделяю этому внимание всегда, но, конечно, не могу ручаться, что она у меня стопроцентно правильная. Но правка рецензента в ряде случаев грешит поспешностью и необоснованностью. Нельзя произвольно менять Пей-Вень-Чжун на Вень-Чжун-Пей, как нельзя, например, говорить Нинзамят или Турхнес вместо Замятнин, Нестурх (я консультировался с китаистами и Пей спрашивал в свое время лично)» (Там же, л. 13).

В рамках деловой переписки мы находим и благодарственные письма молодых учёных, а также известных археологов как отклик на научную поддержку и консультации, оказанные С.Н. Замятниным. В архиве представ-

лено три письма: от Т.М. Минаевой, А.Н. Рогачева и одно безымянное послание. Так, письмо С.Н. Замятнину от А.Н. Рогачёва, отправленное из с. Костенки Воронежской области 20.07.1952 г., содержит приглашение на 30-летний юбилей археологических исследований в Костёнках (Письмо из п/о Гремяче Воронежской области) и даёт представление о том, что археологи находились в теплых дружеских отношениях.

В личном деле С.Н. Замятина, хранящемся в научном архиве МАЭ, мы находим несколько любопытных биографических фактов, которые ранее не публиковались. Так, еще во время обучения в аспирантуре ИИМК в 1928 г. Сергей Николаевич становится отцом, в его семье родился сын Маврикий (Личные дела, карточки, характеристики, л. 83).

Кроме того, в анкете Сергея Николаевича указано, что он был женат дважды. Первая жена, Ерегейская Зинаида Васильевна, доктор геологических наук, умерла от туберкулеза (Личные дела, карточки, характеристики, л. 82). Вторая жена, Паничкина Мария Захаровна, старший научный сотрудник Эрмитажа, была верной спутницей Сергея Николаевича Замятина до конца его дней. В отличие от дворянского происхождения Сергея Николаевича, Мария Захаровна происходила из семьи крестьян Орловской губернии (Там же, л. 83).

Во время Великой Отечественной войны, с 1941 до начала 1942 г., С.Н. Замятнин находился в Ленинграде и принимал участие в оборонительных боях. Позже он был представлен к двум правительственным наградам «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Личные дела, карточки, характеристики, л. 72)³¹. Оставшиеся годы Великой Отечественной войны С.Н. Замятнин провел в эвакуации в г. Казани и г. Ташкенте. После войны Сергей Николаевич был снят с воинского учёта по состоянию здоровья из-за тяжелой болезни сердца.

В 1943 г. С.Н. Замятнин был избран почётным членом Антропологического института Великобритании и Ирландии. С сентября по декабрь 1945 г. С.Н. Замятнин находился в специальной командировке в советской зоне оккупации Германии в Берлине, а затем в Лейпциге.

Постановлением Президиума АН СССР от 25.05.1949 г. С.Н. Замятнину было присвоено учёное звание старшего научного сотрудника по специальности «Первобытная археология» с окладом в 3000 руб. (Личные дела, карточки, характеристики, л. 53). В 1949 г. С.Н. Замятнин был награжден Орденом Трудового Красного Знамени за работы в области науки, а в 1957 г. ему вручили памятную медаль в честь 250-летия Ленинграда.

В последние годы жизни Сергей Николаевич Замятнин не имел возможности по состоянию здоровья участвовать в археологических экспедициях, читать лекции и проводить экскурсии для посетителей музея. В его больничных листах за 1952–1956 гг. встречаются такие заболевания, как сердечная недостаточность II степени, почечная колика, холецистит, атеросклероз и остеомиелит (воспаление костного мозга). В целях продолжения работы по специальности С.Н. Замятнину предоставлялось свободное расписание. Значительная часть научной работы им проводилась дома. Именно сюда, по

адресу: г. Ленинград, ул. Союза Печатников, д. 18/20, кв. 26, приходили письма известному советскому археологу (Личные дела, карточки, характеристики, л. 46). В настоящее время это пятиэтажный жилой дом, на первом этаже которого находится прокуратура Ленинградской области. К сожалению, на доме не установлена памятная доска, свидетельствующая о проживании в нем выдающегося отечественного ученого. Лишь конференция, проходившая в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН в 1999 г. в честь 100-летия со дня рождения С.Н. Замятнина, подчеркнула значимость его идей в современной науке.

Источники и библиография

Борисковский П.И. Отзыв о работе С.Н. Замятнина «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–3.

Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды института этнографии АН СССР. 1951. Т. XVI. С. 89–152.

Замятнин С.Н. Сталинградская стоянка // КСИА. Вып. 82. М., 1961. С. 5–36.

«Календарь работ» Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3.

Личные дела, карточки, характеристики бывших сотрудников института этнографии с фамилиями от Дол до Кар. Личное дело С.Н. Замятнина / Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 4. Л. 83.

Отчёт о работе I отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1952 г. / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Письмо из п/о Гремяче Воронежской области, с. Костенки от А.Н. Рогачева от 20.07.1952 г. / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. № 17. Л. 18.

Письмо С.Н. Замятнина Максиму Григорьевичу от 10.07.1950 г. / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. № 17. Л. 11–13.

План-карты Западной и Восточной р-нов Сталинградской палеолитической стоянки (на больших листах миллиметровки). 1952 г. / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. 2 л.

Полевой дневник Палеолитического отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК РАН СССР 1952 г. / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Рецензия М.Ф. Нестурха на работу С.Н. Замятнина «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» от 30.06.1950 г. / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

Рыгдылон Э.Р. К материалам археологической карты окрестностей Сталинградской палеолитической стоянки (сборы 1952 г.) / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 19. 5 л.

Фонд С.Н. Замятнина / Научный архив МАЭ РАН. Ф. 16. Д. 1–19.